

Валентина КОРОСТЕЛОВА

Московская область

*«Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!..»*

«День был субботний...»

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.*

*Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.*

Вот так просто и точно сказала Марина Цветаева о своём рождении.

*Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть, –*

продолжила она, уже хлебнув немало горечи в судьбе, ещё не зная, что впереди её ждут испытания, которые под силу далеко не каждому.

Марина Цветаева – несомненно русский поэт, вобравший в сердце своё всё великолепие отечественной поэзии, несмотря на то что немалая часть её жизни прошла за рубежом, а любимыми писателями были в разное время Виктор Гюго, Беранже, Гейне, Гёте. Ей нравился Рильке – и как поэт, и как человек, о чём говорит их переписка.

А рядом на полке – такие корифеи слова, как Лесков и Аксаков. Кроме Пушкина, Державин и Некрасов. Из современников – Пастернак.

Несколько ранее – Маяковский. Наилюбимейшие стихи в детстве – пушкинское «К морю» и лермонтовский «Жаркий ключ», поэма «Слово о полку Игореве». Прямой наследницей Блока называл её искусствовед и писатель князь Волконский.

Словом, она прекрасно знала как русскую, так и европейскую литературу, тем более что нередко приходилось добывать хлеб насущный переводами. И, что уж совсем нынче для нас удивительно, первые стихи, ещё полудетские, она писала не только на русском, но и на французском, и на немецком. Выезжая с матерью Марией Александровной с целью её лечения за границей, порой длительного, Марина не теряла времени зря и продолжала учёбу там, в частности, в Швейцарии и Германии.

Ещё в 16 лет она писала стихи, навеянные детством, ещё жизнь катилась уж если не под гору, то и не в гору, и, несмотря на смерть матери, будущее рисовалось в более-менее спокойных и привычных тонах: учёба, первая любовь, замужество и налаженная жизнь – то в Москве, то в любимой Тарусе, с желанными поездками в Европу. И потому, к примеру, стихотворение «Рождественская дама», написанное в 17 лет, сегодня кажется и не очень цветаевским: в нём нет той напряжённой интонации, того драматического нака-

ла, что отличает почти всё её творчество. И неизвестно, узнала ли бы Россия ту самую Цветаеву, которой поклоняются читатели и нынче, если бы не те бури, что прошли через всю её судьбу?

Но вот несколько строк из этого стихотворения:

*...Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!*

Мария Александровна очень ждала сына, а родила в 1892 году девочку, и вздохнула с сожалением, и решила, что сделает из дочери музыкантшу, поскольку сама была натурой артистической и музыкальной, с польскими корнями и возвышенным отношением к жизни. Отец Марины, Иван Владимирович Цветаев, был профессором Московского университета и основателем всемирно известного музея изобразительных искусств им. Пушкина. В такой семье было мудро расти обычным ребёнком. Несмотря на усилия матери, к музыке Марина большой любви не испытывала, хотя и отдала ей несколько отроческих лет.

Всё ближе ей становились совсем другие звуки, которые тоже заключали в себе музыку, но иную, – музыку слова. И она вспоминала:

*Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».*

И уже в 6 лет стала сочинять стихи. А Мария Александровна записала в своём дневнике такие строчки: «Четырехлетняя моя Муся ходит вокруг меня и все складывает слова в рифмы, – может быть, будет поэт?»

Как нередко бывает с талантливыми детьми, Марина, ещё неосознанно, ощущала свой дар, берегла его до поры, была порой скрытна даже среди домашних. Как не вспомнить о пушкинской Татьяне: «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой». И так всю жизнь: судьба не подарила ей понастоящему близкого, понимающего её человека. Отсюда и грусть в её стихах, а позже и драматизм. И не случайны такие её строки:

*...Все бледней лазурный остров-детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!*
«Маме»

У Марины была младшая сестра – Ася (позже Анастасия Ивановна, которая много сделала для сохранения памяти о своей гениальной сестре). Мать умерла от болезни, когда девочки ещё не совсем простились с куклами, а спустя 7 лет – и отец. Чувство сиротства, и без того редко оставляющее истинных поэтов, накрепко приросло к Марине, усиливаясь на холодных ветрах судьбы. И, как обратная сторона медали, – независимость характера, нежелание мерить свою жизнь общей меркой, самостоятельность и в мыслях, и в поступках. Она была уверена, что творчество – это её личное дело, способ самовыражения. Марина была бунтарка, как вспоминала Анастасия. За дерзость её не раз наказывали, и, меняя гимназии, она там «скучала самым отчаянным образом».

И вот – взросление, поездка в Париж, где она прослушала курс французской литературы, не изменяя, впрочем, любимому Пушкину. И, наконец, первый сборник – «Вечерний альбом», на который очень по-доброму откликнулись известные поэты Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин, Николай Гумилев... Казалось, жизнь идёт по восходящей. Лето 1911 года Марина проводит в крымском Коктебеле, на даче поэта и философа Волошина, знакомится с эффектным, сразу покоровшим сердце Марины Сергеем Эфроном...

*Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.*

*...В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.*

Сергей Эфрон в «роковые времена» вступил в Добровольческую армию Деникина, чтобы защитить свою Россию.

«И смеяться в лицо проходим!..»

Но вернёмся к рассказу. Замужество Марины, рождение дочери Ариадны, первые счастливые годы семейной жизни... «В те годы крылатое и легкое шло от всего облика Марины Цветаевой. Она была полна пушкинской «внутренней свободы» – в непрестанном устремлении, бессонная, смелая. По-настоящему любила она – не себя, а свою речь, свое слово, свой труд. Но и чужое слово любила бескорыстно и готова была трубить в честь чужой удачи

в самые золотые трубы», – писал в своих воспоминаниях Сергей Михайлович Волконский, дружба с которым продолжалась и за границей, в самые тяжёлые для Марины годы. Это был один из немногих настоящих друзей, сразу понявший уникальность таланта Цветаевой, её ранимую душу и не раз подставлявший ей плечо друга. И не случайно прекрасный цикл стихов «Ученик» был посвящён ему. «Трагический парадокс её судьбы заключался в том, что чем горше было ее неприкаянное одиночество, тем выше выросла она как поэт – ровесница Маяковского и Пастернака...» – отмечал Волконский. Но это будет позже, а пока – наполненная творческая и семейная жизнь и – стихи, стихи, в том числе такие известные, через много лет прозвучавшие романсом (музыка Андрея Петрова) в кинофильме «О бедном гусаре замолвите слово».

*Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.*

*...Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.*

*.. Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!*

(«Генералам двенадцатого года»)

А по России идёт революция, и люди постепенно и бесповоротно встают по ту или иную сторону этой страшной во всех смыслах борьбы. Сергей Эфрон уходит биться с большевиками, а Марина в Москве с тревогой ждёт от него известий, будучи уже с двумя дочками на руках – Ариадной и Ириной. В эти годы появился цикл стихов «Лебединый стан», проникнутый сочувствием к белому движению. И внезапная беда: умирает младшая дочь. Муж, спасаясь от расправы, уходит с остатками Белой армии за границу. И всё-таки жажда творчества и в этих условиях делает своё: именно в эти годы Цветаева пишет пьесы «Червонный валет», «Фортуна», «Приключение», создаёт поэмы «Царь-девица», «На красном коне», цикл «Стихи к Блоку»... А в душе – непрестанная тревога за мужа, ожидание вестей, напряжение российской жизни...

*Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем...*

*Шоколадом лечить печаль
И смеяться в лицо прохожим!*

И почти наугад, наудачу передаёт письмо за границу, в котором пишет Сергею: «Если Вы живы – я спасена. Мне страшно Вам писать, я так давно живу в тупом задеревенелом ужасе, не смея надеяться, что живы, – и лбом – руками – грудью отталкиваю то, другое. – Не смею. – Все мои мысли о Вас... Если Богу нужно от меня покорности – есть, смирения – есть, – перед всем и каждым! – но, отнимая Вас у меня, он бы отнял жизнь».

После долгого ожидания Цветаева в 1922 году получает разрешение уехать к Сергею. В Берлине она знакомится с писателем Андреем Белым, который стал ей другом, и отдаёт в печать сборник стихов «Ремесло». Навестивший жену и дочь Эфрон возвращается в Прагу, где учится в университете и получает стипендию. Не исчезла и прохлада в отношении, что появилась ещё перед разлукой.

Началась скитальческая жизнь в эмиграции. Вскоре Марина Ивановна с дочерью перебирается ближе к мужу, в Чехию, где, несмотря на неустроенность быта и нужду, вдохновение не оставляет её. Именно там написаны «Поэма Горы» и «Поэма Конца», посвященные Константину Родзевичу, сильнейшему сердечному увлечению поэтессы на то время. Хотя, по иронии судьбы, тот вовсе не понимал её поэзии. А для неё эта любовь была спасением души. Родзевич же так вспоминал об этом: «Мы сошлись характерами... В наших отношениях было много искренности, мы были счастливы». Однако идеализация возлюбленного, перипетии прозы жизни и максимализм Цветаевой привели к закономерному расставанию.

Но Чехию, уютный и тёплый славянский край, она полюбила навсегда. Там у нее родился сын Георгий. В эти годы удалось издать несколько книг: «Царь-девицу», «Стихи к Блоку», «Разлуку», «Психею»... Наконец, вся семья переезжает в Париж. Цветаева полагала, что сможет улучшить положение семьи в городе, который уже становился центром русской литературной эмиграции. И снова поэзия не отпускала от себя. Именно там были созданы циклы стихов, посвященные Маяковскому и Пушкину. Тема творчества не только как предмета долга и радости, но и как огромного труда находит своё отражение в цикле «Стол». И, наконец, совершенство гармонии природы – в цикле «Куст». В эти же годы Марина Ивановна нередко обращается к прозе: «Дом у Старого Пимена», «Повесть о Сонечке», воспоминания о детстве и юности, очерки, посвященные Максимилиану Волошину, Андрею Белому, и, конечно же, эссе «Мой Пушкин», опу-
б-

ликованное в парижском журнале «Современные записки», и другие материалы.

*«...пушкинское море было – море прощания.
Так – с морями и людьми – не встречаются.
Так – прощаются.
Как же я могла, с морем впервые
здороваясь, ощутить от него то,
что ощущал Пушкин – навсегда с ним прощаясь.*

Ибо стоял над ним Пушкин тогда в последний раз...» Так о поэте может говорить только поэт. И вся проза Цветаевой – та же поэзия, только не в рифму.

Вопреки ожиданию, переезд во Францию не облегчил жизнь Цветаевой. Сергей Эфрон не был готов к превратностям судьбы, не мог взять на себя груз ответственности за семью. Практически на жизнь зарабатывала Марина. «Никто не может вообразить бедности, в которой мы живём. Мой единственный доход – от того, что я пишу. Мой муж болен и не может работать. Моя дочь зарабатывает гроши, вышивая шляпки. У меня есть сын, ему восемь лет. Мы вчетвером живём на эти деньги. Другими словами, мы медленно умираем от голода». (Из воспоминаний М.Цветаевой). Однако, несмотря на плодотворную работу, печатали её мало, наобум правили, особенно не церемонясь с автором. Единственный сборник, который удалось выпустить, это в 1928 году – «После России». Хуже того, влиятельные там критики (З.Н.Гиппиус, Г.В.Иванов, Г.В.Адамович) вообще не хотели признавать её творчество, не понимая самобытности автора, оставаясь в плену старых русских привязанностей в отношении поэзии.

*... Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»*

*... Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»*

*... Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе я сделала?..*

Как глубоко творческая натура, Цветаева и сама не всегда могла разделить страстные эмоции в поэзии и в жизни. Известно, к примеру, что по её письмам к Пастернаку можно было предположить об их любовной связи, хотя это было далеко от

действительности. И жена Пастернака имела право предполагать что угодно. Во избежание осложнений он постепенно свёл переписку на нет, которая стала для Цветаевой таким необходимым дружеским общением двух поэтически родственных поэтов. Но Пастернак остался своим человеком по самому духу творчества, ценил талант Марины Ивановны. Не случайно именно он, зная её тяжелейшее моральное состояние в начале войны, помогал ей собираться в эвакуацию, перевязывая багаж, вероятно, той самой верёвкой...

«Уж сколько их упало в эту бездну...»

Попав в Париже в положение белой вороны, Цветаева так и не смогла вырваться из этого замкнутого круга. Сама судьба, казалось, вставляла палки в колёса. Муж стал проявлять симпатии к советскому режиму, надеясь на возвращение на родину. Некоторые были уверены в его связи со спецслужбами Москвы. Естественно, тень враждебного отношения эмиграции к Сергею Эфрону ложилась и на Марину. Та естественная радость, с которой Цветаева приветствовала приехавшего в Париж гениального Маяковского в 1928 году, была воспринята здесь как поддержка режима в СССР. Хотя, в отличие от мужа, Марина Ивановна вовсе не рвалась тогда на родину, зная о репрессиях. В то же время её стихи в защиту любимой Чехии, захваченной Гитлером, делали небезопасным и пребывание в Париже. Плюс многолетняя мучительная тоска по России, которая жила в её строках и болела в душе. «Моя неудача в эмиграции – в том, что я не эмигрант, что я по духу, то есть по воздуху и по размаху – там, туда, оттуда...» – говорила она.

*...Но и с калужского холма
Мне открывалась она –
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя! –*

читаем в стихотворении «Родина».

«И когда в последующие годы, случалось, в Москву долетал ее заклинаящий голос, он звучал с гипнотической силой, возбуждал сочувствие, сострадание, сорадование. Пускай далеко не часто долетал он, пускай очень немногим довелось тогда прочесть и оценить стихи Марины Цветаевой, дело, в сущности, от того не меняется! Как бы там ни было, но возвращение прекрасного поэта на родину началось уже тогда. Оно было решено бесповоротно ее собственной тоской по родине», – рассказывал писатель, искусствовед, один из

немногих истинных друзей, Сергей Михайлович Волконский, который организовал для неё в Париже несколько творческих встреч. И будто вторило ему признание Цветаевой: «Здесь, во Франции, и тени моей не останется. Таруса, Коктебель да чешские деревни – вот места души моей».

Положение Сергея Эфрона было ещё критичнее, и в 1937 году он и дочь Ариадна, принявшая сторону отца, вернулись в Россию. Сын также хотел ехать вслед. Над Европой сгущались тучи Второй мировой, у Цветаевой не было средств – ни на жизнь, ни на обучение Георгия, в душе росла тревога за мужа, – и в июне 1939-го они тоже вернулись в Москву.

Тревога и мрачные предчувствия не обманули Марину Ивановну: вскоре и муж, и Ариадна были арестованы, а в августе 1941-го Сергей Эфрон был расстрелян. Дочь, как «пособницу врага народа», сослали в лагерь, где она пробыла 15 лет. Скорее всего, именно после этих трагических событий Марина Ивановна потеряла смысл жизни, к тому же и главная надежда – её сын, любимый Мур, не стал ближе и в их бедственном положении винил мать... Не в эти ли дни, словно из небытия, из дальнего далёка выплыло это, увы, пророческое стихотворение:

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.*

*...И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!*

*...К вам всем – что мне,
ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.*

*...За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте!– Еще меня любите
За то, что я умру.*

(Многие, особенно молодые, познакомились с этими стихами, услышав великолепное исполнение Аллой Пугачёвой романса, музыка Марка Минкова.)

Как оказалось, столица вовсе не ждала своей гениальной и почти несчастной дочери. Начались уже московские скитания. Временно ей разрешили поселиться в доме творчества писателей в подмосковном Голицыне. Встречи с Ахматовой и Пас-

тернаком не принесли сколько-нибудь существенной радости. Чиновники от Союза писателей смотрели на неё как на жену и мать «врагов народа». Она надеялась выйти к русскому читателю с новой книгой, но подготовленный сборник так и не вышел. И снова – одиночество, нищета... Пройдут годы – и люди поедут и пойдут в музеи её имени, и будут платить деньги за это, как это происходит в том же Зальцбурге, где одно имя – Моцарт – кормит целый город, – а пока она, как бедный когда-то музыкант, просит судьбу о милости... И с трудом собирает новую посылку мужу или дочери.

В августе 1941-го Марина Ивановна с сыном эвакуируются в небольшой городок Елабугу. Руководство Союза писателей обосновалось в соседнем Чистополе и милостиво обещало Цветаевой место посудомойки в своей столовой. Однако открытие пищевого заведения затягивалось, Марина Ивановна вернулась в Елабугу ни с чем. Биографы полагают, что дома у неё произошла ссора с сыном, который, зная о её любви к нему, единственному родному человеку рядом, по-видимому, упрекал мать в новых бытовых неурядицах. Ослабленная донельзя морально и физически, Цветаева не смогла больше противостоять судьбе и 31 августа сама поставила на ней точку. И не эти ли слова полетели туда, высоко, где ждала её душа мужа?

*Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.*

*Я тебя отвоюю у всех времён, у всех ночей,
У всех золотых знамён, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи я вернее пса.*

*Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи...*

А на земле в последние минуты жизни главной заботой оставался любимый сын – красивый юноша, похожий на нее молодую. Вот строки из её предсмертной записки: «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом – сложить и довести. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился... Не похороните живой! Хорошенько проверьте...» Как видно, Цвета-

ева и тут опасалась, что ирония судьбы не оставит её. И оказалась снова права, так как долгое время не было известно место её захоронения.

Сегодня на Петропавловском кладбище в Елабуге есть её могила и гранитное надгробие. По благословению патриарха Алексея II в день пятидесятилетия кончины Марины Ивановны в московском храме Вознесения Господня у Никитских ворот состоялось отпевание Цветаевой, поскольку гибель её, по словам святейшего, приравнивается к убийству тоталитарным режимом. Цветаева снова встретилась с любимым Пушкиным, как и должно быть между двумя гениальными поэтами. (Напомню, что здесь состоялось венчание Александра Сергеевича.)

Её любимый Мур погиб в бою с фашистами.

Сегодня в честь Марины Цветаевой открыто несколько музеев, установлены памятники, в том числе замечательный – в Тарусе, откуда открываются дороги её сердцу дали, так напоминающие есенинские в Константинове... Автор его – Борис Мессерер, муж другой замечательной поэтессы – Беллы Ахмадулиной. И ещё одна удивительная история. В Дании на стене одного из зданий в центре Лейдена в 1992 году появилось стихотворение Марины Цветаевой «Моим стихам», открывая уникальный культурный проект. Давайте же вспомним их.

*Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,*

*Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –*

*Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

А последним, 101-м поэтом этого проекта стал Федерико Гарсиа Лорка, над переводами которого работала Марина Ивановна в последние творческие дни, отпущенные ей судьбой.

Марина Цветаева всю жизнь была верна двум личным заповедям:

*«Единственный учитель: собственный труд».
«И единственный судья: будущее».*

Благодаря неустанному, во все годы, труду она брала всё новые творческие вершины. И будущее, самый объективный судья, поставило всё на свои места, определив за Цветаевой своё законное место среди самых высоких имён русской поэзии.

*Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.*

И пусть поневоле вспоминается известное «В России любят только мёртвых», для любого, не потерявшего слух к истинной поэзии, Марина Цветаева – наша современница, живая, страстная, мудрая. Ибо с нами – не только её стихи, но и душа, согревающая и поднимающая ввысь каждую строку бессмертных произведений.

□

Валентина КОРОСТЕЛЁВА (Сунцова)

родилась в Кирове.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор 16 книг поэзии и прозы.

*Лауреат и дипломант нескольких
международных литературных конкурсов.*

Заслуженный работник культуры РФ.

Живет в Подмосковье.

